

УДК 902/904 (903.57)

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.168.186>

О НЕКОТОРЫХ НЕКРОПОЛЯХ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

©2026 г. В.А. Асатов, Ш.Н. Наджафов

До сих пор на территории Северного Азербайджана были обнаружены и изучены многочисленные поселения и могильники античного периода (IV в. до н.э. – II в. н.э.). Эти памятники помогают дополнить знания об истории Азербайджана в период существования здесь государства Кавказской Албании. Во время проведения работ по закладке Южно-Кавказского газового трубопровода наряду с памятниками других эпох были также выявлены античные поселения и могильники. Могильники состояли в основном из кувшинных погребений, за исключением Бейимсаровского могильника, где присутствовали как кувшинные, так и грунтовые могилы. На сегодняшний день на территории Азербайджана обнаружено и исследовано более ста могильников с захоронениями в кувшинах-кюпах. Начиная с 20-х годов XX века во многих регионах Азербайджана, за исключением северо-восточной части, были выявлены могильники с кувшинными погребениями. Их сравнительный анализ с аналогичными погребениями других регионов Южного Кавказа, прослеживания процесса возникновения и распространения этого погребального обряда, его развития и т.д. позволило накопить ценные исходные данные для исследования в будущем многих вопросов, связанных с этим погребальным обрядом. В ходе археологических раскопок этих памятников были выявлены многочисленные и разнообразные образцы материальной культуры. Изучение этих артефактов даёт дополнительную информацию об экономике, быте, религиозных воззрениях, ремесленных отраслях, международной торговле, классовом расслоении населения Кавказской Албании.

Ключевые слова: археология, Кавказская Албания, античный период, некрополь, кувшинные погребения, керамические сосуды, предметы украшения.

ABOUT SOME CLASSICAL ERA NECROPOLISES IN AZERBAIJAN

V.A. Asadov, Sh.N. Najafov

Up to now, numerous settlements and burial grounds of the classical era (IV century BC - II century AD) have been discovered and studied in the territory of Northern Azerbaijan. These antique monuments help to supplement the knowledge of the history of Azerbaijan during the existence of the state of Caucasian Albania here. During the construction of the South Caucasus Gas Pipeline, along with sites from other periods, antique settlements and burial grounds were also discovered. The burial grounds consisted mainly of jug burials, with the exception of the Beyimsar burial ground, where both jar and ground burials without mounds were present. To date, more than one hundred burial grounds with burials in jar-kyups have been discovered and studied in the territory of Azerbaijan. Beginning in the 20s of the XX century, burial grounds with jars were discovered in many regions of Azerbaijan, with the exception of the north-eastern part. Their comparative analysis with similar burials in other regions of the South Caucasus, tracing the process of the emergence and spread of this burial rite, its development, etc. allowed us to accumulate valuable initial data for future research into many issues related to this burial rite. During the archaeological excavations of these sites, numerous and diverse examples of material culture were discovered. The study of these artefacts provides additional information about the economy, life, beliefs, handicraft industries, international trade and class stratification of the population of Caucasian Albania.

Keywords: archaeology, Caucasian Albania, Classical era, necropolis, jar burials, pottery, ornaments.

Введение

Перед работами, выполненными в связи с проведением трубопровода РЮКТ (Расширение Южно-Кавказского Трубопровода), и в ходе этих работ в коридоре трубопровода были осуществлены археологические полевые исследования. Во время этих исследо-

ваний были обнаружены археологические памятники, относящиеся почти ко всем периодам истории (Maynard et al., 2022). Исследованные среди этих памятников поселения и некрополи античного периода (III в. до н. э. – II в. н. э.) внесли свой вклад в изучение этой эпохи в истории Азербайджана.

Из сведений письменных источников и проведённых археологических исследований становится ясно, что промежуток времени между II в. до н. э. и II н. э. оценивается как период большого прогресса в изменении социальных отношений, развитии хозяйственной жизни, ремесла, расширении торговых связей. Этот отрезок истории характеризуется укреплением Албанской государственности, возникновением ряда городов античного периода, влиянием эллинизма на этот регион. Наличие торговых путей, связывающих Албанию с другими областями Южного Кавказа и с Северным Кавказом, дало мощный толчок к расширению и укреплению международных отношений (Мамедов, 1987). Тесные связи между родственными албанскими племенами дали возможность сформировать единую общеалбанскую культуру.

В этот период, начиная с II века, в Албанию стала проникать христианская религия, в основном из Сирии и Палестины (Мамедова, 1986, с. 5). Распространение христианства в Албании уже в начале IV века (313/314-е гг.) привело к превращению её в государственную религию. Но, несмотря на это, большинство албанцев продолжало придерживаться своих традиционных религий, что отразилось на их погребальных обрядах.

Постановка проблемы

Как было отмечено, этот период характеризуется развитием экономики Албании. Сведения древних авторов и многочисленные археологические памятники говорят о плотности населения Албании. Иногда в одном ограниченном пространстве встречается несколько синхронных поселений. Это также подтверждается обилием погребальных памятников. Исследования показывают, что города Албании в основном были образованы именно на основе дальнейшего развития поселений, которые в большинстве своём являлись политико-административными и идеологическими центрами отдельных племён (Бабаев, 1990, с. 179).

Исторически сложилось так, что значительная часть известных в истории человечества типов погребений встречается на Южном Кавказе, в том числе на территории Азербайджана. Но особое место в указанный период занимают погребения, осуществлённые в разных по размерам керамических сосудах-кувшинах. Такие погребения вошли в историко-археологическую литературу под назва-

нием «кувшинные погребения». В античную эпоху на территории не только Албании, но и практически всего Южного Кавказа это был один из наиболее устойчивых и широко распространённых погребальных обрядов.

У кувшинных погребений (а также грунтовых в античный период) отсутствуют наземные признаки, в связи с этим они были открыты только при проведении земляных работ. В то же время, учитывая, что до настоящего времени обнаружено больше сотни некрополей кувшинных погребений, они наряду с грунтовыми являются самым распространённым типом погребений на территории Азербайджана в тот период.

Отметим, что в указанный период из-за расширения связей со странами античного мира в Албании началось усиление влияния эллинистической культуры. Но в это время усваивалось отнюдь не всё, а только то, что соответствовало уровню местного развития, для чего был подготовлен фундамент для развития местной культуры (Кошкарлы, 1985, с. 98). Под влиянием созданных связей в городах Кавказской Албании начали использовать обожжённые кирпичи, изготавливать черепицы античного типа, печатать монеты, имитирующие греческие деньги (Бабаев, 1972). Вероятнее всего, керамические сосуды, используемые в погребальном обряде, являются продуктом ремесла большого города (может быть, города Самуниса), расположенного вблизи некрополей. Например, наличие многочисленных синхронных обжигательных печей Мингечаура указывает на то, что здесь находился один из центров гончарного производства в Кавказской Албании (Ионе, 1951, с. 32–33).

Погребальные кувшины обычно имеют удлинённый или шарообразный корпус и самые различные размеры. Как правило, это кувшины с широкой горловиной и плоским дном. У этих кувшинов в подавляющем большинстве ручки отсутствуют, а корпус по направлению к основанию резко сужается. Венчик кувшинов горизонтально уплощённый, отогнут наружу и украшен насечками или щипковым орнаментом, основной цвет сосудов – красновато-розовый.

Обряд кувшинного захоронения

Обряд кувшинного захоронения в Албании представляет собой размещение трупа внутри большого хозяйственного кувшина,

который впоследствии горизонтально укладывался в специально подготовленную четырехугольную или овальную яму, которая затем засыпалась. Вследствие этого кувшинные погребения, обычно за редким исключением, наземных признаков не имеют. Как правило, погребальные кувшины ничем не отличаются от используемых для хозяйственных нужд больших кувшинов. Видимо, для захоронения использовались обычные хозяйственные, возможно вышедшие из употребления кувшины. Погребальный инвентарь кувшинных погребений состоял из керамических сосудов, украшений, оружия и т. д.

Как правило, в кувшинных погребениях наблюдается обряд одиночного захоронения в одном кувшине. В крайне редких случаях встречаются парные захоронения в одном кувшине (Даниелян, 1959, с. 263–268) и одиночные захоронения с использованием двух кувшинов, уложенных горловиной друг к другу (Азимбеков, 1926, с. 67–82).

С целью размещения покойника в кувшине обычно отламывали часть горловины погребального сосуда, иногда вместе с частью корпуса, и только в очень редких случаях отламывали часть днища погребального кувшина. После размещения в сосуде покойника отломившаяся часть устанавливалась на место, выполняя роль своеобразной крышки гроба. После размещения внутри кувшина трупа и сопровождающего его могильного инвентаря отверстие горловины погребального сосуда прикрывалось. Для этого использовали обломки крупных сосудов, известковые плиты, сырцовый или обожженный кирпич, а иногда и плоские камни.

Покойников укладывали в погребальный кувшин в одежде. Это подтверждается наличием в некоторых из них фрагментов тканей (Голубкина, 1971, с. 257–263). Помимо этого, в могилах в большом количестве имеются ручные и ножные браслеты, колокольчики, фибулы, заколки, булавы, бусы, серьги, подвески из разных материалов (металла, пасты, стекла, каури и т. д.), золотые, серебряные и бронзовые пуговицы. Все это является убедительным подтверждением того, что албанцы хоронили своих покойников в одежде, вместе со всеми украшениями.

После размещения трупа в погребальном кувшине вокруг него устанавливали могильный инвентарь. Он состоял из небольших,

но разнообразных по назначению керамических сосудов, орудий труда, разнообразного оружия, украшений, стеклянных изделий (графин, флакон). В кувшинных погребениях часто встречались монеты, пряслица, фрагменты тканей, косточки различных фруктов и т. д. Вероятнее всего, сосуды в могилах на момент погребения содержали мясную или же другую пищу и напитки, что подтверждается находкой в них костей животных и птиц, а также осадков жидкостей.

После этого вокруг самого погребального кувшина устанавливали керамические сосуды больших и средних размеров, а затем могильная яма засыпалась землей и через некоторое время уже не имела абсолютно никаких наземных признаков.

Термин «кувшинные погребения» предполагает ингумацию трупа. Обряд кремации трупа с последующим захоронением костей в керамическом сосуде не считается обрядом «кувшинного погребения».

Обряд захоронения в керамических кувшинах на территории Северного Азербайджана просуществовал довольно длительное время (с середины I тыс. до н. э. до VIII в. н. э.). Все это время этот погребальный обряд сосуществовал с другими типами погребений, а на рубеже двух эр (II–I вв. до н. э. – I–II вв. н. э.) был одним из основных обрядов на территории не только Северного Азербайджана, но и всего Южного Кавказа. Возникновение и широкое распространение этого погребального обряда в Северном Азербайджане совпадает с периодом возникновения и существования здесь государства Албании и встречается почти во всех регионах этого государства, за исключением прикаспийской зоны от Дербента до Апшерона.

По мнению И.И. Мещанинова, обряд кувшинных погребений принадлежал не полукочевым племенам, зимовавшим в степной зоне Кура-Араксского междуречья, а оседлым племенам предгорных и равнинных зон, которые, используя природные речные долины, занимались здесь земледелием (Мещанинов, 1936, с. 5).

Таким образом, в период наибольшего распространения обряда захоронения в кувшинах (II в. до н. э. – II в. н. э.) в Азербайджане носители этого погребального обряда наиболее плотно заселяли долины крупных речных артерий, таких как Кура, Аракс, и их

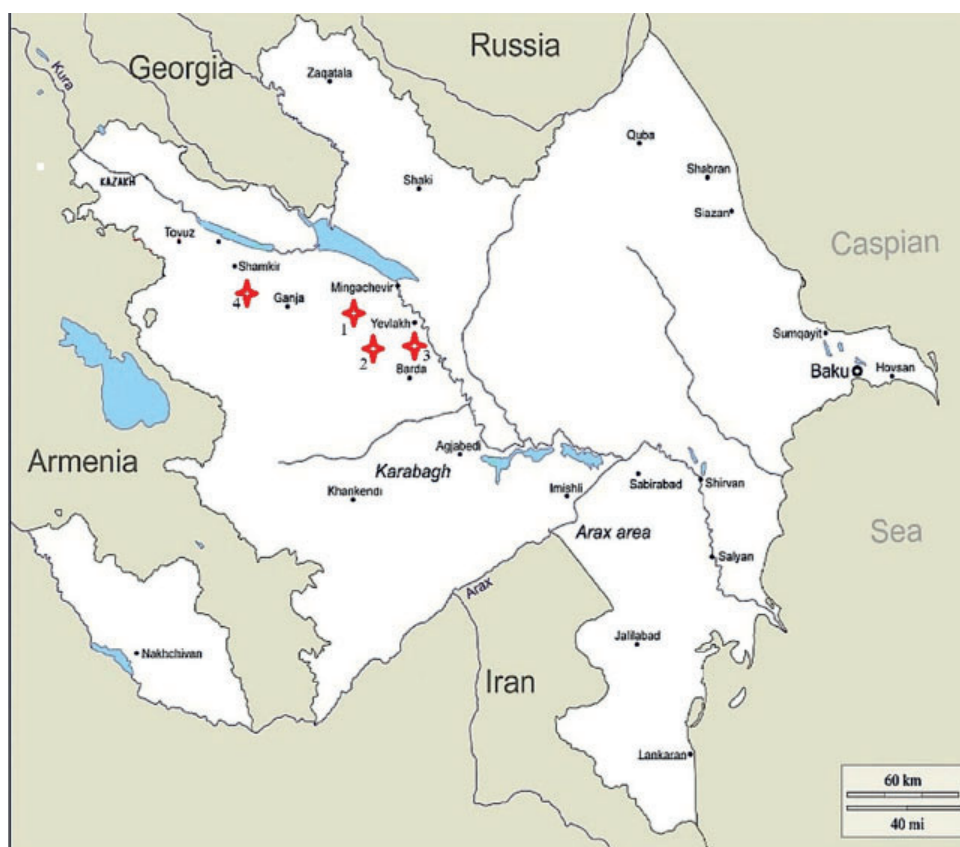

Рис. 1. Месторасположение некрополей античного периода: 1 – Самедабадский некрополь; 2 – Бейимсаровский некрополь; 3 – Ялдилинский некрополь; 4 – Гаракепенектепинский некрополь
Fig. 1. Location of classical era necropolises : 1 – Samedabad necropolis; 2 – Beyimsar necropolis; 3 – Yaldili necropolis; 4 – Garakepenektepe necropolis

притоков, Мильскую и Муганскую степи и предгорные зоны Большого и Малого Кавказа, а также Талышских гор.

Все выявленные на сегодняшний день в Азербайджане кувшинные погребения хронологически делятся на три группы: это ранние кувшинные погребения, датируемые V–III вв. до н. э.; погребения периода расцвета этого обряда в Азербайджане, когда он становится одним из основных среди функционирующих типов погребений, датируются периодом II в. до н. э. – II в. н. э.; и поздние кувшинные погребения III–VIII вв. н. э., когда обряд кувшинных погребений постепенно исчезает.

Следует отметить, что материалы из кувшинных погребений в целом имеют широкие аналоги среди материалов из других типов погребений, поселений и городов Кавказской Албании. Они являются естественным отражением уровня материальной культуры того периода и его связей с предшествующими историческими эпохами, но имеют и определённые, присущие только им специфические

элементы. Такая специфичность наблюдается как в некоторых проявлениях, характерных только кувшинным погребениям, так и в определённых локально-региональных чертах. Но, несмотря на всю свою самобытность, обряд погребения покойников в кувшинах неразрывно был связан с историей Кавказской Албании, продолжая предшествующую местную погребальную традицию во многих её элементах. Кувшинные погребения сумели отразить в себе важнейшие изменения, имевшие место в политической, духовной и материальной истории этого государства. В составе могильного инвентаря кувшинных погребений в определённой степени можно увидеть процесс развития албанского общества. В свою очередь, и сам погребальный инвентарь с развитием общества менялся, исчезали некоторые виды и формы сосудов, украшений и других предметов, а их места занимали другие. В составе могильного инвентаря кувшинных погребений много разнообразных по формам и функциональ-

ному назначению керамических предметов, орудий труда, украшений, предметов глиптики и торевтики, изделий из стекла, монеты, а также предметов вооружения, как наступательного, так и оборонительного назначения.

При анализе выявленных в кувшинных погребениях артефактов отчётливо прослеживается динамика развития и прогресс, а порой и упадок в хозяйстве, быту и других областях общественного строя. Хотя среди могильного инвентаря кувшинных погребений нередко встречаются предметы, привозимые из других стран, его основу составляют образцы предметов местного производства, свидетельствующие о высоком уровне развития многих отраслей ремесла и хозяйства, широких разносторонних международных связей Албании. Все это оказывает неоценимую помощь в полномасштабной реконструкции многих вопросов истории и культуры Кавказской Албании.

Как было отмечено выше, во время археологических исследований в зоне трубопровода наряду с другими типами разновременных памятников исследовались также некрополи античного периода. Ниже рассматриваются некоторые из этих памятников.

Отметим, что, за исключением одного погребения, обнаруженного на небольшом холмике в Шамкирском районе, все изученные некрополи расположены в Евлахском районе на равнинной местности, долгое время используемой для посевов (рис. 1). Все погребальные кувшины в этих некрополях были уложены в погребальные камеры в горизонтальном положении.

Ялдилинский некрополь. Во время исследований здесь было выявлено 21 кувшинное погребение. Все погребальные кувшины, обнаруженные в Ялдилинском некрополе, были ориентированы (с некоторым незначительным уклоном) по направлению восток – запад. Скелеты внутри погребального кувшина были также ориентированы соответственно (головой к устью кувшина, ногами по направлению ко дну). Все покойники в кувшинах были уложены на левом боку, в сильно скорченном положении (за исключением погребения под номером 21, где покойник был уложен на правый бок). Некоторые исследователи скорченное положение покойников объясняют тем, что для предотвращения нанесения ущерба живым покойников перед погребением

связывали (Марковин, 1969, с. 106). По мнению М.А. Бакушева, не исключено, что уложение покойников в могилу в скорченном виде связано с верованием в то, что, приведя их в спящее состояние, они пробудятся в «потустороннем мире» (Бакушев, 2008, с. 79).

Несмотря на то, что во многих случаях в некрополях с кувшинными погребениями прослеживается нестабильность в ориентации погребений (погребальных кувшинов), иногда встречаются также некрополи, где погребения ориентированы в одном направлении. Как и в некрополях с кувшинными погребениями Мингечаура и Самедабада, в Ялдилинском некрополе мы наблюдаем такую же стабильность. Вокруг погребальных кувшинов были расставлены большие керамические сосуды. Внутри погребальных кувшинов были также положены керамические сосуды относительно меньшего объёма, украшения и пр. Внутри большинства сосудов вокруг погребальных кувшинов прослеживались осадки пищи. Некоторые учёные наполнение сосудов вне погребального кувшина едой связывают с верованием в то, что дух погребённого покойника, для того чтобы питаться, время от времени выходил из кувшина (Хәлілов, 2009, р. 32), но в любом случае этот ритуал предусматривал обеспечение покойника пищей в потустороннем мире.

Отметим, что во всех исследованных кувшинных погребениях встречались крошки угля, а это указывает на разжигание здесь огня во время выполнения погребального обряда. Предполагается, что горевший во время погребения костёр должен был отогнать злых духов (Qaziyev, 1953, р. 9). Исследование Ялдилинских кувшинных погребений показало, что в этом некрополе также были полностью исполнены все погребальные обряды погребения в кувшинах (размещение вокруг и внутри погребального кувшина инвентаря, наполнение сосудов пищей и напитками, разжигание огня и т.д.). Отметим, что на некоторых погребальных кувшинах (погребения под номером 13 и 14) несколько выше дна, была просверлена дырка диаметром в 15 сантиметров, характерная для части кувшинных погребений. Такие случаи встречались и в других некрополях кувшинных погребений. По мнению специалистов, эти дырки были предусмотрены не для протекания из кувшина жидкостей, образовавшихся во

Рис. 2. Ялдилинский некрополь: 1 – погр. №14; 2 – погр. №18

Fig. 2. Yaldili necropolis: 1 – burial No. 14; 2 – burial No. 18

время процесса гниения трупа, а по верованиям того периода они служили для свободного выхода и возвращения духа покойника из кувшина (Халилов, 1985, s. 79). То, что дырка на погребальном кувшине под номером 13 была просверлена не вниз, а наверху ещё раз подтверждает это предположение.

Внутри кувшинного погребения № 14 были обнаружены фрагменты бронзовой диадемы и бусы разной формы. Бусы изготовлены из пасты, стекла и полудрагоценных камней. Отметим, что диадемы на памятниках Кавказской Албании встречаются редко. Диадемы, или предметы украшения, известные по-другому под названием налобные повязки, головные обручи, налобные короны,

встречаются в Азербайджане уже на памятниках бронзового периода (Садыхзаде, 1971, табл. IV). Своеобразием этого кувшинного погребения является наличие на обоих голених скелета ножных браслетов. На левую ногу было надето 16, на правую – 17 браслетов (рис. 2: 1).

Большое число браслетов на руках и ногах покойников характерно для определённого периода погребального обряда кувшинных погребений. Специалисты, руководившие археологическими раскопками в Мингечауре, относят погребения с многочисленными браслетами среди инвентаря (например, в одном погребении на правую и левую ногу покойника было надето 56 браслетов) к

Рис. 3. Самедабадский некрополь: 1 – погр. №1; 2 – погр. №9
 Fig. 3. Samadabad necropolis: 1 – burial No 1; 2 – burial No 9

ранней и средней стадии кувшинных погребений (III–II вв. до н. э.) (Qaziyev, 1960, p. 14). В поздних кувшинных погребениях ножные браслеты отсутствуют. По их мнению, нахождение такого количества в погребениях указывает на то, что они были не только украшениями, но также имели обменный и религиозный характер (Qaziyev, 1960, p. 14). Ношение браслетов имело религиозно-магическое значение и считалось обязательным (Ахундова, 2020, с. 68). Это мнение подтверждается также браслетами с плотно прижатыми концами на горловинах сосудов, обнаруженных в Минге-чауре (Qaziyev, 1949, p. 80, fig. 4, 5). Специалисты считают, что наличие такого большого количества браслетов в погребении говорит о

принадлежности погребённого к определённому классу (Ахундова, 2020, с. 68).

Отличительной чертой погребения № 18 было в том, что его венчик был прикрыт большой крышкой. На верхней части дисковидной крышки имеются две параллельные ручки. Видимо, эта крышка служила для прикрытия танды ров (рис. 2: 2). Вообще, как было отмечено выше, для размещения трупа внутри кувшина его венчик обламывали, а затем прикрывали это место каким-нибудь предметом – например, частью другого керамического сосуда, каменной плитой, кирпичом и т. д. В данном случае эту роль выполняла крышка.

Во время раскопок Ялдилинских кувшинных погребений, обладающих богатым

Рис. 4. Самедабадский некрополь: 1 – погр. №4; 2 – погр. №7
Fig. 4. Samadabad necropolis: 1 – burial No 4; 2 – burial No 7

инвентарём, были получены многочисленные керамические материалы (рис. 5: 1–3). Они состояли из керамических сосудов большого объёма, расставленных вокруг большинства погребальных кувшинов и образцов посуды малого объёма, установленных рядом с покойником внутри кувшина.

Среди интересных находок Ялдилинского некрополя можно отметить горшок среднего размера с вздутым туловищем. На сосуде имеются четыре дугообразные ручки, соединяющие плечико сосуда с краем выступа. Не исключено, что этот сосуд имел ритуальный характер и использовался в религиозных церемониях (рис. 5: 3).

Анализ археологических материалов погребений, проведённые аналогии, наблюдения за погребальным обрядом позволяют отнести Ялдилинский некрополь к III–I вв. до н. э.

Самедабадский некрополь. Во время раскопок было определено, что Самедабадский некрополь содержит в себе два типа погребений. Здесь одновременно были заложены рядом кувшинные и грунтовые погребения. На основе наблюдений стало известно, что верхняя часть погребений подверглась разрушениям. Естественно, это происходило из-за того, что в течение долгого времени земля использовалась для посева.

В Самедабадском некрополе были исследованы 11 погребений. Из них погребения под номерами 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10 и 11 являются кувшинными погребениями (рис. 3: 1–2), погребения же под номером 4 и 7 – грунтовыми (рис. 4: 1–2). Из-за большого разрушения погребения № 6 было невозможно определить его тип.

Сырость земли на этой территории плохо повлияла на состояние костей в погребениях. Но, несмотря на это, в неповреждённых погребениях № 3, 4 и 9, а также в относительно разрушенных погребениях № 7, 10 и 11 были обнаружены фрагменты человеческого скелета и костей животных. Отметим, что из-за полного разрушения погребения № 8 не было возможности обнаружить кости

скелета, удалось лишь собрать черепки погребального кувшина и сопровождающий материал. Погребения Самедабадского некрополя можно отнести к погребениям с очень богатым инвентарём. Среди инвентаря этих погребений присутствовали образцы многочисленных керамических сосудов, украшения, изготовленные из бронзы и стекла, а также фрагменты железных изделий. Понятно, что, если бы погребения не были разрушены, численность этих артефактов была бы выше. Обнаруженные погребальные кувшины состояли из крупных хозяйственных кувшинов грушевидной формы.

В Самедабадском некрополе в ориентации погребений, независимо от их типов, также наблюдалась стабильность. Все они были

Рис. 5. 1-3 – глиняные сосуды с Ялдилинского некрополя; 4-15 – глиняные сосуды с Самедабадского некрополя
Fig. 5. 1-3 – clay vessels from the Yaldili necropolis; 4-15 – clay vessels from the Samadabad necropolis

уложены по направлению северо-запад – юго-восток. Погребения были заложены на разных глубинах, от 50 до 120 см от дневной поверхности. Высота погребальных кувшинов колебалась между 70–125 см, диаметры туловищ – между 50–80 см. Отметим и то, что между инвентарём кувшинных и грунтовых погребений не было никаких отличий.

Специфическая особенность ваз, обнаруженных в Самедабадском некрополе, состоит в том, что на краю у всех у них имеются ручки в форме выступа, изображающего черепашую голову (рис. 5: 10, 15). Видимо, это опирается на какое-то верование, связанное с тотемизмом. Сосуды этого типа относятся к подгруппе зооморфных сосудов, на поверхность которых частично или полностью нанесены изображения разных животных и птиц. В большинстве случаев на таких сосудах размещалось изображение змеи. Например, на туловище красноглиняного сосуда, обнаруженного в катакомбном погребении Мингечаура, относящегося к I–III вв. н. э., было прилеплено изображение змеи с широко раскрытой пастью (Голубкина, 1953, рис. 43, XXVI, 4). Другой сосуд с изображением змеи был найден в кувшинном погребении Мингечаура I–II вв. н. э. На территории Азербайджана вазы с ручками в зооморфном стиле были найдены в Мингечауре (Голубкина, 1953, рис. 15–16), в каменных ящиках Ярдымлинского района (Кошкарлы, 1992, с. 80–82), в северо-восточных районах Азербайджана (Халилов, 1985, с. 122–123), на памятниках периода раннего железа Дагестана (Пикуль, 1967, с. 114–173). Интересно, что зооморфные рисунки продолжают встречаться также на раннесредневековой керамике (Əhmədov, 1959, table XVIII, 5, 6).

Глиняные сосуды, обнаруженные на раскопочном участке, в основном розового и серого цвета. На поверхность некоторых из них нанесён белый, желтоватый, сероватый, а иногда салатный ангоб. Глина у них в большинстве случаев смешана с песком, поверхность слегка залощена.

В ходе раскопок были обнаружены нижеуказанные интересные находки:

1. *Малообъёмный сосуд типа матры.* Часть венчика отколота. Венчик раскрывается наружу. Узкая цилиндрическая горловина постепенно переходит в плечико. Корпус плоский, одна часть выпуклая (рис. 5: 13). Матры были

обнаружены на многих памятниках античного периода, в том числе в кувшинных погребениях Мингечаура (Qaziyev, 1960, table XV–XVII), в Ялойлутепе (Исмизаде, 1956, с. 51, табл. XVII, 2, XIX, 2), Шемахе (Nuriyev, 1965, р. 160, table 1, 4) и в Ганыхской (Алазанской) долине Грузии (Ниорадзе, 1940).

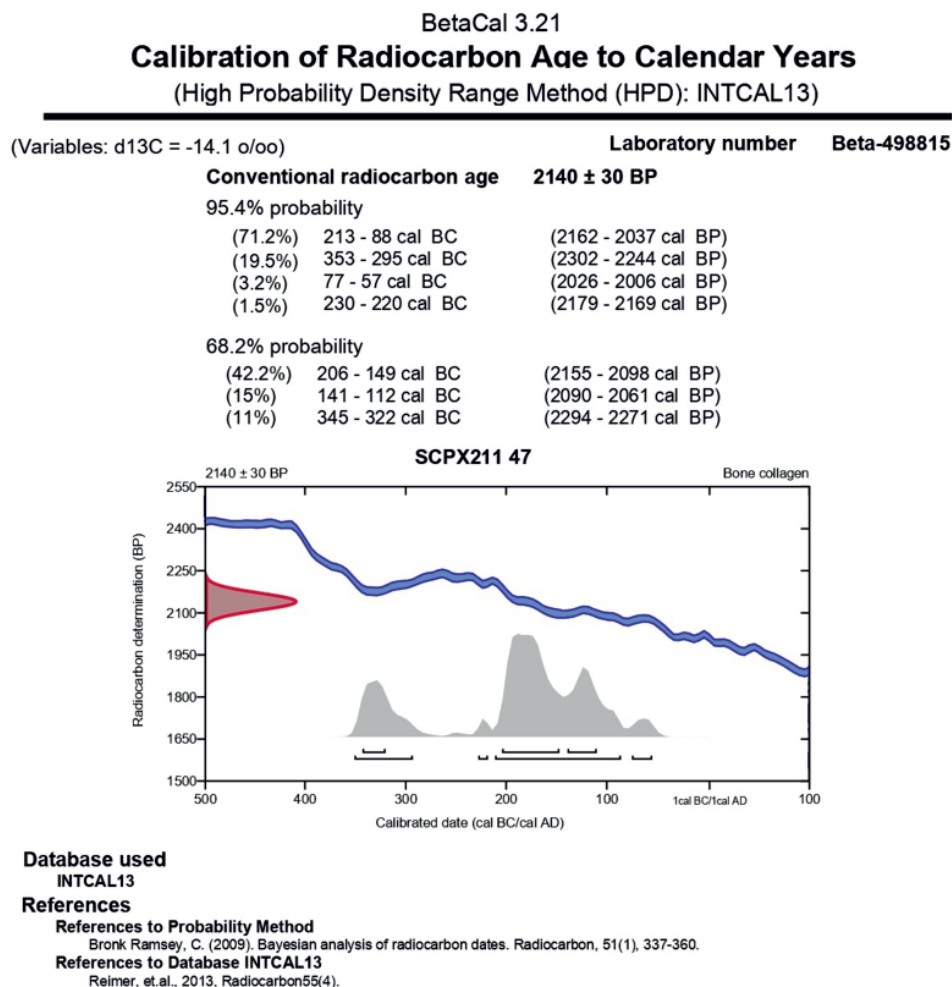
2. *Качественно изготовленный горшок среднего объёма на трёх ножках.* Широкий венчик раскрывается наружу. Под плоским дном имеются три конусообразные ножки. На горловину прилеплен ложный носик овальной формы (рис. 5: 14).

3. *Антропоморфная фигура в образе женщины.* Чётко вырисовываются голова, нос, брови, руки, бедра и ноги. Голова напоминает птичью головку. На раскрытых в стороны обеих руках имеется по четыре дугообразные лепки, напоминающие браслеты. Спереди справа находится острая грудь в виде соска, слева – лепка в виде сердца с кругом посередине. Талию опоясывает лепной пояс (кушак) с круглыми пуговками. Ниже пояса и на бедрах находятся вдавленные точки, создающие треугольники. Такие же вдавленные круглые точки находятся на подставке, на которой стоит статуэтка. Часть левой ноги откололась. Тыльная сторона фигуры плоская. Не вызывает сомнений, что эта фигура имела культовый характер и использовалась во время религиозных ритуалов (рис. 10: 13).

Отметим, что аналогичные фигуры обнаружены в разных регионах Азербайджана, а также на Гамарли (Арташасте), Сардарабаде (Армавире), Учмуазин (Вагаршапарте) и на других памятниках Армении (Хачартян, 1979, с. 87–103, табл. I–III, рис. 2–4), на памятнике Соркине в Грузии (Бохочадзе, 1951, с. 95–96). Терракотовые женские фигуры, относящиеся к описываемому периоду, неоднократно встречались на памятниках античного периода в Центральной Азии: на территории Туркменистана (Ремпель, 1949; Пугаченкова, 1967), в среднем течении реки Амударьи (Пилипко, 1977), Узбекистане (Пугаченкова, 1973, с. 105–108; Воробьева, 1981) и Таджикистане (Мухитдинов, 1975; Мешкерис, 1977).

4. *Маленький сосуд светло-розового цвета, у которого венчик, вдавливаясь с краёв, принял форму желобка* (рис. 5: 12).

Во время раскопок Самедабадского некрополя были обнаружены стеклянные бусы (рис.

Beta Analytic Radiocarbon Dating Laboratory
4985 S.W. 74th Court, Miami, Florida 33155 • Tel: (305)667-5167 • Fax: (305)663-0964 • Email: beta@radiocarbon.com
Page 12 of 13

Рис. 6. Результаты ^{14}C -датирования (Самедабадский некрополь, погр. №10)
Fig. 6. Results of ^{14}C dating (Samadabad cemetery, burial No 10)

10: 11). В ходе раскопок были также встречены бусы из агата (рис. 10: 12) и серы.

Из остеологических находок привлекают внимание медвежьи когти.

Анализ образцов материальной культуры, аналогии с другими синхронными памятниками, особенности погребального обряда позволяют внести Самедабадский некрополь в хронологические рамки между концом III века и началом I века до н. э. (рис. 6).

Бейимсаровский некрополь. В Бейимсаровском некрополе были раскопаны и исследованы 11 кувшинных погребений (рис. 7: 1–2; 8: 1–4). Во многих случаях в некрополях с кувшинными погребениями прослеживается нестабильность в ориентации погребальных кувшинов. В Бейимсаровском некрополе мы также частично наблюдаем эту неста-

бильность. Погребальные кувшины, обнаруженные в некрополе, были ориентированы в основном в западно-восточном направлении, погребение № 1 – в северо-восточном – юго-западном, погребение № 10 – в северо-восточном – юго-западном. Все покойники в кувшинах были уложены на правом боку в сильно скорченном или полускорченном положении. На основе типологических особенностей археологические материалы, обнаруженные на Бейимсаровском некрополе, относятся к II в. до н. э. – II в. н. э.

Вокруг погребальных кувшинов, обнаруженных во всех трёх некрополях, были расставлены большие керамические сосуды. Внутри погребальных кувшинов были также положены керамические сосуды относительно меньшего объёма, украшения и пр.

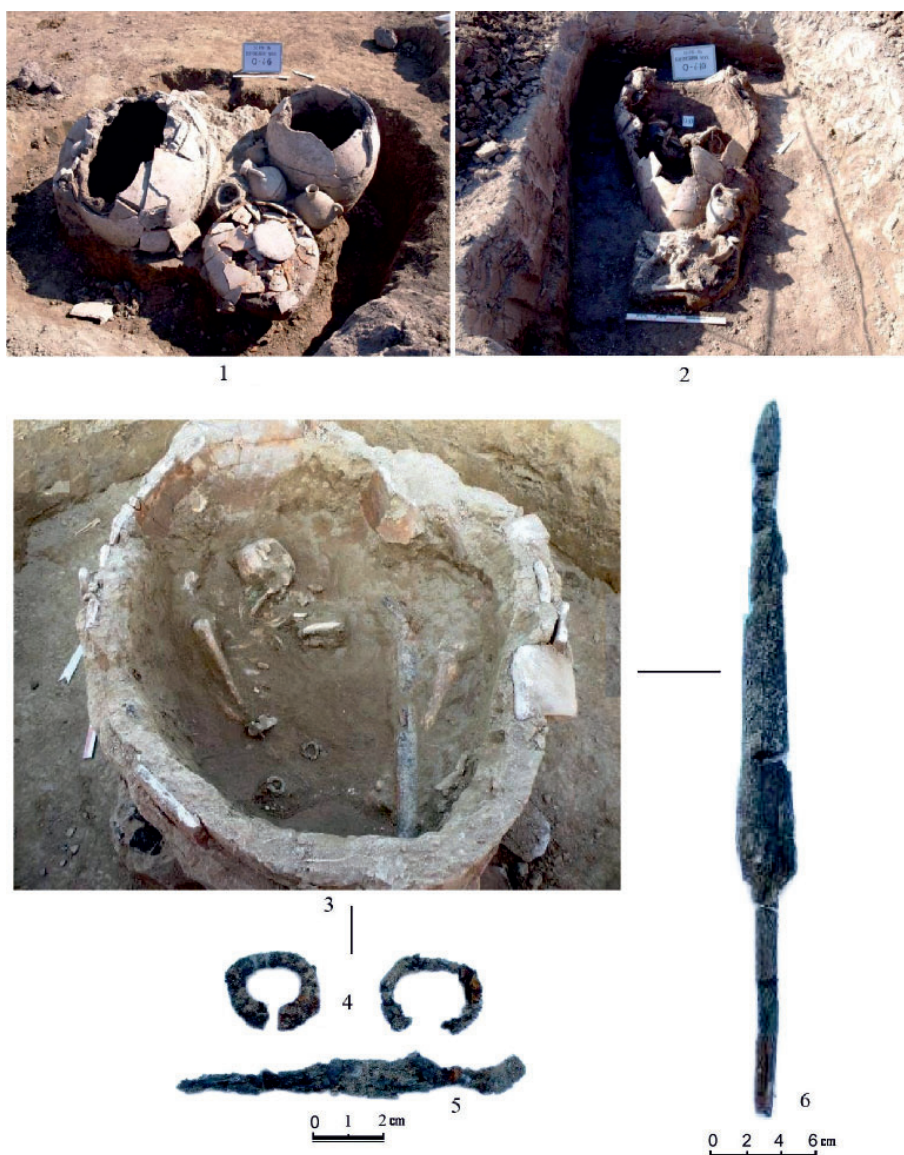

Рис. 7. 1-2 – Бейимсаровский некрополь (погр. №6 и №10); 3 – Гаракепенектепинский некрополь (погр. № 1); 4-6 – артефакты, найденные в погр. №1 Гаракепенектепинского некрополя (4 – железные браслеты; 5 – железный кинжал; 6 – железный меч)

Fig. 7. 1-2 – Beyimsar necropolis (burials No. 6 & No. 10); 3 – Garakepenektepe necropolis (burial No. 1); 4-6 – artefacts found in burial No. 1 of the Garakepenektepe necropolis (4 – iron bracelets; 5 – iron dagger; 6 – iron sword)

Внутри большинства сосудов и вокруг погребальных кувшинов прослеживались остатки пищи. Некоторые учёные наполнение сосудов вне погребального кувшина едой связывают с верованием в то, что дух погребённого покойника, для того чтобы питаться, время от времени выходил из кувшина (Xəlilov, 2009, р. 32), но в любом случае этот ритуал предусматривал обеспечение покойника пищей в потустороннем мире.

Во время раскопок некрополей были обнаружены многочисленные богатые материалы. Среди сотен отмеченных образцов матери-

альной культуры преобладают керамические сосуды и их фрагменты. Керамические сосуды, выявленные во всех трёх некрополях, по своей форме и содержанию, за некоторым исключением, мало отличаются от друг от друга. Керамические сосуды, как правило, светло-розового и серого цвета. Иногда встречались экземпляры чёрного и бурого цвета. У одной части из них поверхность покрыта беловатым и желтоватым ангобом. Несмотря на то что большинство сосудов изготовлено вручную, без применения гончарного круга, они очень качественные. На основе типоло-

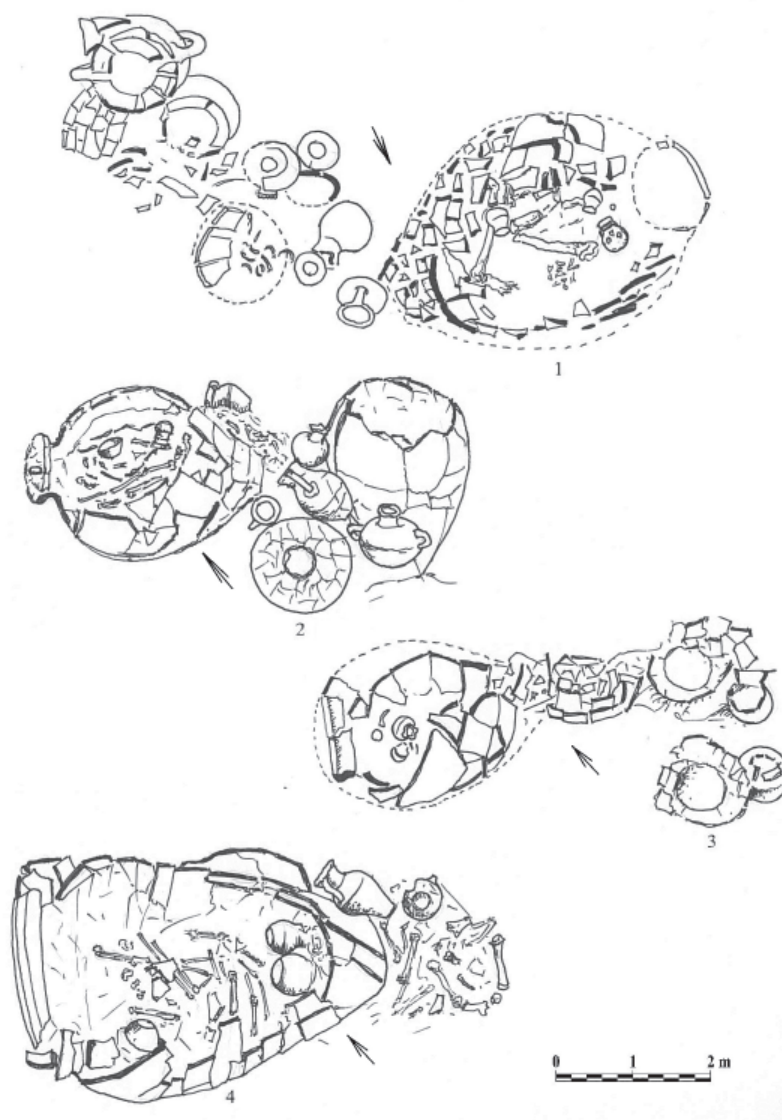

Рис. 8. Бейимсаровский некрополь: 1 – погр. №5; 2 – погр. №6; 3 – погр. №7; 4 – погр. №10 (автор Ф.С. Фарманов)

Fig. 8. Beyimsar necropolis: 1 – burial No. 5; 2 – burial No. 6; 3 – burial No. 7; 4 – burial No. 10 (by F.S. Farmanov)

гических особенностей эти материалы относятся к II в. до н. э. – II в. н. э. Керамические сосуды, выявленные при раскопках, по своему назначению состоят из горшков, мисок, поддонников, ваз, кувшинов с лепестковым венчиком (рис. 9; 10: 1–3), кувшинов с носиком (рис. 10: 4), узкогорлых кувшинов, глубоких мисок, жбанов, светильников (рис. 5: 11), крышек и т. д., а также из их фрагментов. Среди погребального инвентаря в некрополе были также маслосбойка (рис. 10: 5), матра (рис. 9: 8; 10: 6) и амфора.

Все глиняные сосуды из некрополей являются сосудами Ялойлунского типа, поверхность которых украшена лепными и прочер-

ченными узорами, с круглыми, лепестковыми и желобчатыми венчиками (Шарифов, 1927; Исмизаде, 1956), что говорит о высоком художественном вкусе мастеров, изготовивших их в основном вручную (рис. 5: 4–9). Предметы и украшения, изготовленные из бронзы, состоят из ножных браслетов (ободков) (рис. 10: 7–9), ручных браслетов, диадем, колец, бус, колокольчиков, серёг, пуговиц и разных круглых изделий. Железные изделия представлены оружием и орудиями труда. К оружию относятся лезвия кинжалов, наконечники дротиков, к орудиям труда же – острие лезвия ножа, фрагмент серпа и части железных изделий.

По результатам данных радиоуглеродной лаборатории Beta Analytic (США, Майами), кувшинное погребение Бейимсаровского некрополя под номером 10 можно отнести к ряду поздних погребений (табл. 1).

в погребении головой к устью кувшина (север – юг), что характерно для абсолютного большинства кувшинных погребений Азербайджана. В восточной части кувшина между ногами трупа был размещён большой железный меч

Таблица 1.
Table 1

Number	Beta	Conventional Age	Calendar calibration (95.4% Probability)	Material	Comments
SCPX Sample 1	483542	2100 +/- 30 BP	95.4% probability (95.4%) 198 - 47 cal BC (2147 - 1996 cal BP)	cow bone grave 10	antique period

Гаракепенектепе. Во время археологических раскопок средневекового поселения по линии РЮКТ на территории с. Гараджамир-ли Шамкирского района Азербайджана был проведён осмотр близлежащего холма Гаракепенектепе. На этом холме наблюдались следы древнего поселения и могильника. Среди них встречались черепки глиняных сосудов, относящихся к бронзовому, античному и средневековому периодам. Также в некоторых местах на данной территории были замечены человеческие кости, вышедшие на поверхность земли. Видимо, это были кости скелетов из расположенных на холме погребений, которые были вскрыты в результате многолетнего вымывания дождями.

Во время осмотра Гаракепенектепе здесь было обнаружено также одно кувшинное погребение. Из-за частичного вскрытия погребение ясно прослеживалось (Əsədov et al., 2017, p. 69–73).

Во время очищения земли вокруг погребального кувшина рядом с дном был обнаружен бурый сосуд кувшинного типа, поставленный впритык к погребальному кувшину. Рядом с сосудом выявились куски дерева. Видимо, здесь в своё время разжигался костёр. Неслучайно поверхность сосуда была покрыта следами сильной гари. Куски угля были встречены также внутри погребального кувшина. Отметим, что случай размещения единственного сосуда рядом с погребальным кувшином был отмечен и в погребении № 12 Ялдилинского некрополя. Здесь у устья погребального кувшина был обнаружен крупный грушевидный сосуд, поставленный впритык к погребальному кувшину (Əsədov et al., 2015, p. 19–27).

После очищения внутренней части погребального кувшина удалось определить положение скелета (рис. 7: 3). Покойник был уложен

(рис. 7: 6). Меч был изготовлен из железного листа путёмковки. Длина меча 85 см, ширина 7 см. Видимо, меч был размещён в погребении без ножен. Обычно у мечей такого типа ножны бывают из дерева, плотно обтянутого кожей и покрытого бронзой. Черенки же у них покрывались костью или деревом, затем закреплялись. Подобные мечи были обнаружены в кувшинных погребениях древней Шемахи (Xəlilov, 1961, p. 36–37, table XXVI, 3), Минге-чаура (Асланов и др., 1959, с. 188), Исмаиллы (Cəlilov et al., 2013, p. 61–62) и на других албанских памятниках Азербайджана.

Внутри погребального кувшина, в центральной и западной его части, ближе ко дну были обнаружены два железных браслета (рис. 7: 4), а рядом с ними плоские и длинные куски железного кинжала (рис. 7: 5).

Вообще, по сравнению с мечами, кинжалы в кувшинных погребениях встречаются чаще. Кинжал, обнаруженный в Гаракепенектепинском кувшинном погребении, больше соответствует типу меча, чем четырем характерным типам кинжалов, выделенным Г.М. Аслановым (Асланов и др., 1959). Отметим, что внутри погребального кувшина, кроме железных оружий и обручей, не было размещено никакого инвентаря. Лишь когда очищались черепные кости, была обнаружена медная монета во рту покойника. А это говорит о влиянии на албанцев в эллинистической культуры. Известно, что, по древним греческим мифам, для перехода реки Стикс, протекавшей между двумя мирами, покойники должны были платить хозяину лодки Харону. Погребальный инвентарь, обнаруженный в кувшинном погребении на Гаракепенектепе, и анализ археологических материалов позволяют отнести это кувшинное погребение к III–II вв. до н. э.

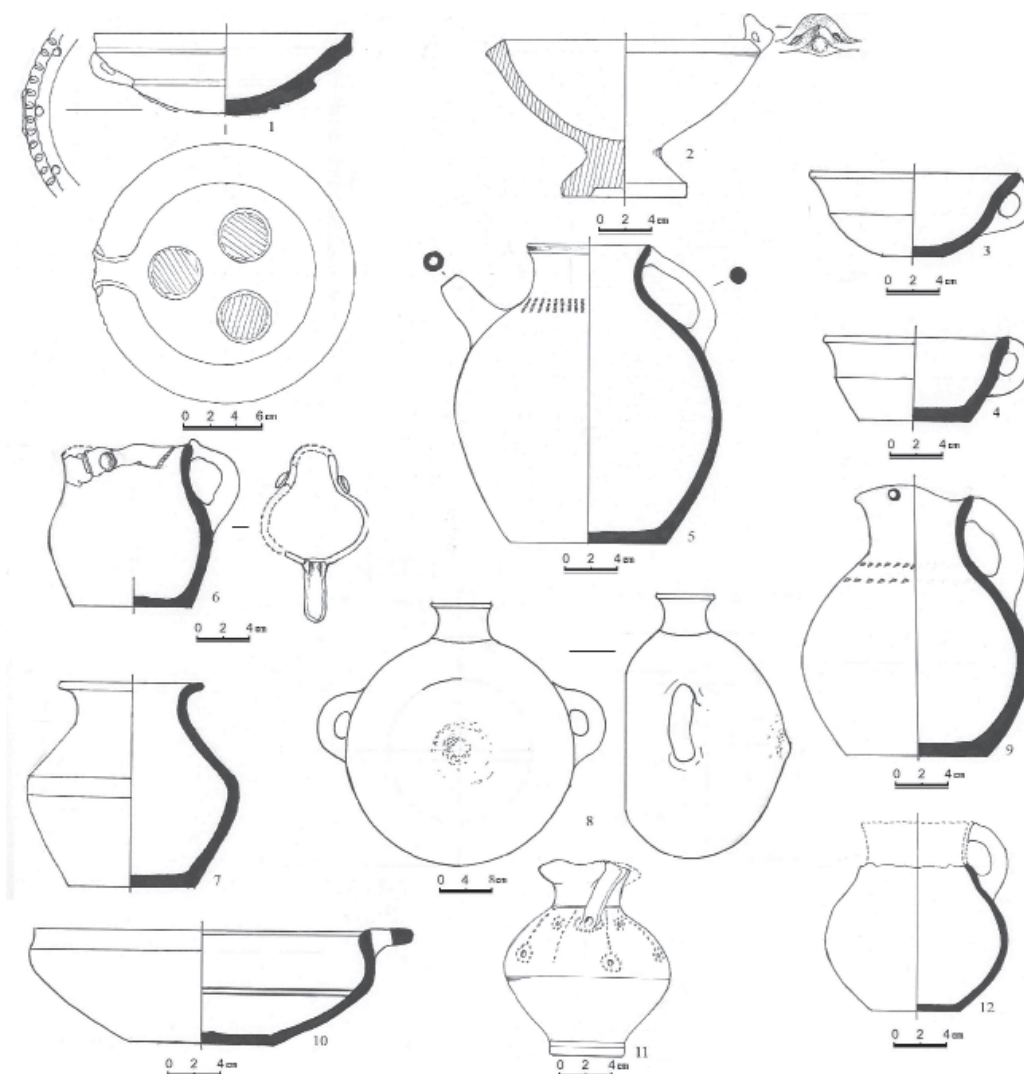

Рис. 9. Глиняные сосуды, найденные в Бейимсаровском некрополе (автор рисунка Ф.С. Фарманова)

Fig. 9. Clay pottery found in the Beyimsar necropolis (drawing by F.S. Farmanov)

Среди вышеуказанных некрополей много сходных черт. Исследование этих памятников дало возможность ещё раз проследить характерные особенности региона в III в. до н. э. – II в. н. э. Сходство между памятниками ярко проявляется как в структуре выявленных погребений, так и в керамических изделиях и украшениях. Во всех некрополях были полностью соблюдены все традиции обряда захоронения в кувшинных и грунтовых погребениях (размещение вокруг и внутри погребального кувшина инвентаря, наличие внутри сосудов осадков пищи и напитков, разжигание огня и т. д.). Несколько отличается кувшинное погребение, обнаруженное на холме Гаракепенектепе. Все погребальные кувшины были уложены вертикально, покойники также были ориентированы по направлению кувшина (головой к устью, ногами ко дну). Образцы

материальной культуры во всех погребениях с малыми отклонениями имеют большое сходство по форме и содержанию.

Выводы

Из исследованных сотен кувшинных погребений в Азербайджане получены многочисленные артефакты, представленные разнообразными предметами материальной и духовной культуры. Роль и значение этого богатейшего культурно-исторического наследия в изучении истории и культуры Кавказской Албании, кстати очень слабо освещённых в письменных источниках, неоспоримо. Именно анализ полученных из погребальных памятников Албании, в том числе и из кувшинных погребений, многочисленных и разнообразных артефактов позволил в сочетании с другими памятниками исследовать многие аспекты хозяйственной, идеологиче-

Рис. 10. Артефакты, найденные Бейимсаровском некрополе: 1-6 – глиняные сосуды; 7-9 – бронзовые браслеты; 10-12 – бусы; 13 – глиняная женская статуэтка, найденная в Самедабадском некрополе (погр. №11)

Fig. 10. Artefacts found in the Beyimsar necropolis: 1-6 – pottery; 7-9 – bronze bracelets; 10-12 – beads; 13 – clay female figurine found in the Samadabad necropolis (burial No. 11)

ской, социальной, а порой и политической практически всего периода существования истории Кавказской Албании на протяжении этого государства.

ЛИТЕРАТУРА

Азимбеков И.М. Древности Ленкоранского края // Известия Азербайджанского Археологического комитета. 1926. Вып. 2. С. 66–82.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку: АН Азерб. ССР, 1959. 190 с.

Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку: Elm və Təhsil, 2020. 280 с.

Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э.-III в. н.э. Баку: Элм, 1990. 235 с.

Бабаев И.А. Черепицы античной эпохи из раскопок Кабалы // Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов археологов и этнографов Азербайджанской ССР. Баку: Elm, 1972. С. 23.

Бакушев М.А. Погребальный обряд населения Дагестана албано-сарматского времени (III в. до н.э.-IV в. н. э). Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2008. 206 с.

Бохочадзе А.В. Настакиси, Саркинэ, Дзалиси – города Иберии – античной эпохи // КСИА. Вып. 151 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1951. С. 93–102.

Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма / Отв. ред. М.А. Итина. М.: Наука, 1981. С. 184–194.

Голубкина Т.И. Ажурные ткани из кувшинного погребения Мингечаура // СА. 1971. № 3. С. 257–263.

Голубкина Т.И. О зооморфной керамике из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Вып. 2. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1951. С. 103–140.

Даниелян О.А. Парное погребение в кувшине из Мингечаура // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. 1959. Т. 15. № 3. С. 263–268.

Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. Вып. 2. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1951. С. 31–79.

Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку: АН Азерб. ССР. 1956. 132 с.

Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985. 138 с.

Кошкарлы К.О. Пештасарский некрополь // Известия АН Аз. ССР. 1992. № 1-2. С. 79–93.

Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку: Элм, 1986. 281 с.

Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура / МИА. № 122. М.: Наука, 1969. 116 с.

Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе: Дониш, 1977. 151 с.

Мещанинов И.И. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. // Труды Азерб. ФАН СССР. 1936. Т. 24. С. 5–31.

Мухитдинов Х.Ю. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2 / Отв. ред. Б.Г. Гафуров и др. М.: Наука, 1975. С. 378–382.

Ниорадзе Г. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси: Мецниерба, 1940. 109 с.

Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: Ин-т истории языка и литературы им. Г. Цадасы, 1967. 175 с.

Пилипко В.Н. Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи // СА. 1977. № 1. С. 187–202.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1973. С. 78–128.

Ремпель Л.И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. I / Отв. ред. М. Е. Массон. Ашхабад: Туркменской филиал АН СССР, 1949. С. 332–372.

Садыхзаде Ш.Г. Древние украшения Азербайджана. Баку: Ишыг, 1971. 84 с.

Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э.–III в. н.э.). Баку: Элм, 1985. 276 с.

Хачатрян Ж.Д. Об античной коропластике Армении // ВДИ. 1979. № 3. С. 87–103.

Шарифов Д.М. Раскопки в Ялойлу-Тапа (Нухинский уезд 1929) / Материалы Азгосмузея. Вып. 1. Баку: Общество обследования и изучения АССР, 1927. 32 с.

Cəlilov B.M., Quliyev A. Hüseynov M.M. Çərmədil nekropolu. Bakı: Xəzər universiteti nəşriyyatı, 2013. 96 s.

Əhmədov Q.M. Azərbaycanın şirsiz keramikası. Bakı: Azərb.SSR EA nəşriyyatı, 1959. 224 s.

Əsədov V.A., Ağalarzadə A.M., Əbdürrəhmanov Ə.İ. Yəldili nekropolunun yeni qəbirləri // Dövlət və din. 2015. № 10 (39). S. 19–27.

Əsədov V.A., Hüseynov M.M., Fərmanov F.S. Qarakəpənəktəpə yaşayış yerindən tapılmış küp qəbir // Dövlət və din. 2017. № 4 (51). S. 69–73.

Maynard D., Goshgarli G.O., Museybli N.A., Najafov Sh.N., Asadov V.A., Agalarzadeh A.M., Kirichenko D.A., Huseynov M.M., Zeynalov A.A. Archaeological excavations on the SCPX Pipeline. Azerbaijan 2013–2018 // Internet Archaeology. 2022. Vol. 59. DOI: 10.11141/ia.59.11 70 p.

Nuriyev A.V. Gümüşlü yaşayış yeri haqqında ilk məlumat // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. 1965. Cild 6. S. 159–166.

Qaziyev S.M. Mingəzevirdə arxeoloji yadigarlar // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. 1949. Cild 1. S. 71–86.

Qaziyev S.M. İki küp və iki katakomba qəbri // Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. 1953. Cild 3. S. 5–35.

Qaziyev S.M. Kūp qəbirləri albomu. Bakı: Azərb. SSR EA nəşriyyatı, 1960. 44 s.

Xəlilov C.Ə. Xınıslı qədim yaşayış yeri // Azərb. SSR EA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası. 1961. № 3. S. 31–47.

Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: Nafta-Press, 2009. 180 s.

Информация об авторах:

Асадов Вагиф Арифович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); asadov@gmail.com

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник. Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necefov@mail.ru

REFERENCES

Azimbekov, I. M. 1926. In *Izvestiya Azerbaydzhanskogo Arkheologicheskogo komiteta (Bulletin of the Azerbaijan Archaeological Committee)* 2, 67–88 (in Russian).

Aslanov, G. M., Vaidov, R. M., Ione, G. I. 1959. *Drevniy Mingechaur (Ancient Mingachevir)*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (in Russian).

Akhundova, G. K. 2020. *Ukrasheniya Azerbaydzhana antichnogo perioda (Ornaments of Azerbaijan in the classical era)*. Baku: “Elm və Təhsil” Publ. (in Russian).

Babayev, I. A. 1990. *Goroda Kavkazskoy Albanii v IV v. do n.e.-III v. n.e. (Cities of Caucasian Albania in the IV century BC – III century AD)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

Babayev, I. A. 1972. In *Materialy k sessii, posvyashchennoy itogam polevykh arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1971 g. v SSSR (Materials for the session following the results of field archaeological and ethnographic research in 1971 in the USSR)*. Baku: “Elm” Publ., 23 (in Russian).

Bakushev, M. A. 2008. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Dagestana albano-sarmatskogo vremeni (III v. do n.e. – IV v. n. e) (Burial rite of the population of Dagestan during the Albanian-Sarmatian period (III century BC – IV century AD))*. Rostov on Don: “Rostizdat” Publ. (in Russian).

Bokhochadze, A. V. 1951. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 151. Moscow: “Nauka” Publ., 93–102 (in Russian).

Vorob'yeva, M. G. 1981. In Itina, M. A. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo drevnego Khorezma (Culture and Art of Ancient Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ., 184–194 (in Russian).

Golubkina, T. I. 1971. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 257–263 (in Russian).

Golubkina, T. I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* II. Baku: “Elm” Publ., 103–140 (in Russian).

Daniyelyan, O. A. 1959. In *Doklady AN Azerb. SSR (Reports of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)* (15) 3, 263–268 (in Russian).

Ione, G. I. 1951. In *Material'naya kul'tura Azerbaydzhana (Material Culture of Azerbaijan)* II. Baku: “Elm” Publ., 31–79 (in Russian).

Ismizade, O. Sh. 1956. *Yaloylutepinskaya kul'tura (Yaloylutepe culture)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

Koshkarly, K. O. 1985. *Antichnaya i rannesrednevekovaya torevtika iz Azerbaydzhana (Classical and early medieval toreutics from Azerbaijan)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

Koshkarly, K. O. 1992. In *Izvestiia Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR (Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR)* 1–2, 3079–93 (in Russian).

Mamedova, F. Dzh. 1986. *Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Kavkazskoy Albanii (Political history and historical geography of Caucasian Albania)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).

Markovin, V. I. 1969. *Dagestan i gornaia Chechnia v drevnosti: Kaiakentsko-khorochoevskaia kul'tura (Dagestan and mountainous Chechnya in ancient times: Kayakent-Khorochoy culture)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 122. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Meshkeris, V. A. 1936. *Koroplastika Sogda (Coroplastics of Sogd)*. Dushanbe: “Donish” Publ. (in Russian).

Meshaninov, I. I. 1936. In *Trudy Azerb. FAN SSSR (Proceedings of the Azerbaijan Academy of Sciences of the USSR)* 24, 5–31 (in Russian).

Mukhitdinov, Kh. Yu. 1975. In Gafurov, B. G. (ed.). *Tsentrall'naya Aziya v kushanskuyu epokhu (Central Asia in the Kushan Era)* 2. Moscow: “Nauka” Publ., 378–382 (in Russian).

Nioradze, G. 1940. *Raskopki v Alazanskoj doline (Excavations in the Alazani valley)*. Tbilisi: "Metsniyberba" Publ. (in Russian).

Pikul, M. I. 1967. *Epokha rannego zheleza v Dagestane (The Early Iron Age in Dagestan)*. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of History of Language and Literature (in Russian).

Pilipko, V. N. 1977. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 187–202 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoy kul'tury Uzbekstana (From the history of the classical era culture of Uzbekistan)*. Tashkent: "Izd-vo lit. i iskusstva im. G. Guliyama" Publ., 78–128 (in Russian).

Rempel, L. I. 1949. In Masson, M. E. (ed.). In *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition)* I. Ashkhabad: Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 332–372 (in Russian).

Sadikhzade, Sh. G. 1971. *Drevniye ukrasheniya Azerbaydzhana (Ancient ornaments of Azerbaijan)*. Baku: "Ishyg" Publ. (in Russian).

Khalilov, Dzh. A. 1985. *Materialnaya kultura Kavkazskoi Albanii (IV v. do n.e.-III v. n.e.) (Material culture of the Caucasian Albania (IV century BC – III century AD))*. Baku: "Elm" Publ. (in Russian).

Khachatryan, Zh. D. 1979. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 3, 87–103 (in Russian).

Sharifov, D. M. 1927. *Raskopki v Ialoilu-Tapa (Nukhinskii uezd 1929) (Excavations in Yaloylu-Tapa (Nukha district, 1929))*. Series: Materialy Azgosmuzeya (Materials of the Azerbaijan State Museum). Vol. 1. Baku: Society for the Survey and Study of the Azerbaijani SSR (in Russian).

Jalilov, B. M., Guliyev, A., Huseynov, M. M. 2013. *Çərmədil nekropolu (Chermadil necropolis)*. Baku: Khazar University (in Azerbaijani).

Akhmadov, G. M. 1959. *Azərbaycanın şirsiz keramikası (Unglazed ceramics of Azerbaijan)*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijanian SSR (in Azerbaijani).

Asadov, V. A., Agalarzade, A. M., Abdurrahmanov, A. I. 2015. In *Dövlət və din (State and religion)* 10 (39), 19–27 (in Azerbaijani).

Asadov, V. A., Huseynov, M. M., Farmanov, F. S. 2017. In *Dövlət və din (State and religion)* 4 (51), 69–73 (in Azerbaijani).

Maynard, D., Goshgarli, G. O., Museybli, N. A., Najafov, Sh. N., Asadov, V. A., Agalarzadeh, A. M., Kirichenko, D. A., Huseynov, M. M., Zeynalov, A. A. 2022. In *Internet Archaeology* (59). DOI: [10.11141/ia.59.11](https://doi.org/10.11141/ia.59.11) 70 p.

Nuriyev, A. V. 1965. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti (Material Culture of Azerbaijan)* 6, 159–166 (in Azerbaijani).

Gaziyev, S. M. 1949. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti (Material Culture of Azerbaijan)* 1, 71–86 (in Azerbaijani).

Gaziyev, S. M. 1953. In *Azərbaycanın maddi mədəniyyəti (Material Culture of Azerbaijan)* 3, 5–35 (in Azerbaijani).

Gaziyev, S. M. 1960. *Küp qəbirləri albomu (Album of jug graves)*. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR (in Azerbaijani).

Khalilov, Dzh. A. 1961. In *Azərbaycan SSR EA-nın Xəbərləri. İctimai elmlər seriyası (News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Social sciences series)* (3), 31–47 (in Azerbaijani).

Khalilov, M. J. 2009. *Albaniyanın qəbir abidələri (IV-X əsrlər) (Grave monuments of Albania (IV-X centuries))*. Baku: "Nafta-Press" Publ. (in Azerbaijani).

About the Authors:

Asadov Vagif A. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; vaqif-amea@mail.ru

Najafov Shamil N. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; shamil_necefov@mail.ru

Статья поступила в журнал 16.06.2025 г.
Статья принята к публикации 31.01.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу